Г. Р. Фахретдинова

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОЙ АССР 1960–1990-х гг.)

Работа представлена кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Верещагин

Политика гонений на религиозные центры не прекращалась во все годы советской власти. С началом 1960-х гг. в их отношении продолжали осуществлять отчаянные попытки недопустить развития влияния религии в стране. Тем не менее к середине 1980-х можно было говорить не о победе атеизма, а утверждать об обратном.

The policy of persecution of the religious centers did not stop during all the years of the Soviet power. Starting from the 1960s the authorities continued making desperate attempts not to let the influence of religion develop in the country. However, by the middle of the 1980s it was already possible to speak not about the victory of atheism, but to confirm the opposite.

В августе 1960 г. в Отдел пропаганды ЦК КПСС из Совета по делам религий пришла справка, подписанная заместителем В. Куроедова В. Фуровым. Ее полное название «Об итогах перестройки церковного управления и работе по усилению контроля за деятельностью религиозных объединений». Оценка самой реформы Советом была очень высока: «Она оказалась самым крупным, наиболее эффективным, полезным для государства мероприятием. Совершенно очевидно, что только на основе реформы удалось поставить церковь в рамки закона, взять ее в руки, организовать действенный контроль над деятельностью духовенства» [6. с. 17]. Следствием этой реформы стало изменение всех направлений государственно-церковной политики во всех регионах страны. Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в каждом районе БАССР разрабатывался и осуществлялся план мероприятий по антирелигиозной пропаганде, в ходе работы выявлялись аморальные проступки, злоупотребления и хищения, совершаемые священнослужителями и верующими. Например, такие, как в Ишимбайском районе, в котором в течение 1960–1961 гг. установлены факты неприкрытой спекуляции просвирами, свечами и другими предметами церковного обихода, которая велась в Ишимбайском молитвенном доме. В частности, было установлено, что на продаже 1 кг свечей церковники получали доход свыше 400 руб., пуд муки, переработанный на просвиры, вместо государственной стоимости 64 руб. обходился 3200–3500 руб. [9, л. 115].

В результате хрущевской антирелигиозной кампании было закрыто примерно 50% общего количества зарегистрированных церквей и молитвенных домов, конфисковано 21 молитвенное здание [7, с. 88]. В постхрущевскую эпоху религиозный вопрос во многом утратил прежнюю остроту и актуальность, но при этом главная стратегическая задача КПСС в отношении религии оставалась неизменной. Важнейшей составляющей нового политического курса стала концепция развитого социализма, которая заменила концепцию развернутого строительства коммунизма с ее обещаниями «жить при коммунизме» уже нынешнему поколению

советских людей. Поэтому коммунистические цели отодвигались за пределы обозримого исторического горизонта. Партийные идеологи были вынуждены констатировать, что процесс преодоления религиозности оказался гораздо более сложным, чем ожидалось и предполагалось ранее. Примером этого может служить тот факт, что за пять (1960–65 гг.) лет количество крещений к общему числу родившихся в БАССР всего лишь снизилась с 14,2 до 10,9%, а венчаний к общему числу зарегистрированных – с 3,8 до 2%; в Уфе крещений – с 36,5 до 19,9%, венчаний – с 3,3 до 1,2%. За 5 лет закрыто и снято с регистрации 22 церкви, 12 мечетей и молитвенных домов, переоборудовано под школы и культурно-просветительные учреждения 59 недействующих церквей и мечетей. Доходы церквей сократились на 44%, мечетей на 36%, хотя в целом доходы остаются высокими [10, л. 22]. Таким образом, хотя и наблюдалось сокращение, но не в таких масштабах, в каких планировалось.

О сокращении количества, частой смене, ограничении влияния и деятельности в республике указано в ежегодных отчетах уполномоченного, докладных записках. Так, в 1960 г. духовенством допущено 24 случая нарушения советского законодательства о культах, за 1970 г. было 32 различных нарушения советских законов о религиозных культах. Так, например, бывший имам Стерлитамакской мечети М. Зияитдинов занимался вымогательством вещей у родственников умерших, скрывая доходы от финорганов, уклонялся от уплаты подоходного налога [13, л. 34].

За эти нарушения проводились мероприятия по ограничению влияния и деятельности духовенства, такие как сокращение штата, снятие с регистрации. Поэтому если на 1.01.1960 г. – было 63, то на 1.01.1961 г. их стало 52 вместе с епископатом. В начале 1960 г. епископ Никон разработал новые увеличенные штаты приходов (до 75) и пытался заполнить их путем приглашения из других областей. Но это ему не удалось. За год снято с регистрации 23 человека, зарегистрированных 7 человек [14, л. 152]. Любые передвижения духовенства согласовывались с местной властью.

Описание обстановки в религиозных организациях было одним из главных в отчетах уполномоченного Совета по делам религий, которые ежегодно отправлялись в центр. Такая форма – единая обязательная годовая статистическая отчетность была введена в 1966 г. В нее входили сведения о религиозных объединениях, об основной религиозной обрядности, о доходах и расходах религиозных объединений; о возрасте и образовании священнослужителей, рассмотренные жалобы верующих, сведения о просьбе верующих об открытии церквей и мечетей.

Сведения о религиозной обрядности по БАССР за период 1960–1985 гг. не выявляют какой-то единой тенденции – к уменьшению или к увеличению, а постоянно меняются в ту или иную сторону. Однако при сравнении количества зарегистрированных и незарегистрированных религиозных организаций обнаруживается уменьшение числа первых и увеличение вторых за данный период. Например, по одним из архивных данных на 1.01.1965 г. количество зарегистрированных было около 20, а незарегистрированных более 100 групп [15, л. 122]. Кроме того, в каждом информационном отчете по деятельности религиозных организаций обязательно выявлялось, сколько обрядов крещения, венчания, отпевания совершили верующие. Информация о совершавших религиозные обряды поступала в гор(рай)комы партии и советские органы власти по месту жительства для проведения инди-

видуальной работы. Возможно, по этой причине жители сел и деревень уезжали в города для совершения обрядов под различными предлогами; например, под предлогами поездки к родственникам или в больницу [16, л. 19].

Как видно, любые проявления религиозной жизни населении находилась под постоянным контролем со стороны местных советских и партийных органов. Об активной пропаганде атеизма отмечалось и в докладах. Например, из доклада секретаря обкома КПСС тов. Х. С. Сайранова на тему «Вести пропаганду в связи с жизнью – главная задача пропагандистов» в 1962 г. отмечалось: «Воспитание нового человека немыслимо без упорной, систематической борьбы с религиозными пережитками. Партийные организации республики проводят определенную работу по атеистическому воспитанию трудящихся, о чем свидетельствуют отход многих верующих от церкви, закрытие за последние годы 17 церквей и мечетей. Но религиозные пережитки живучи, они цепко опутывают некоторую часть трудящихся и особенно молодежь. Достаточно сказать, что только в 1961 г. окрещено почти 15 тыс. детей, обвенчано 1628 молодоженов» [17, л. 53].

Тема атеистической пропаганды, так же как и по всей стране, после окончания хрущевской антирелигиозной кампании открыто не поднималась вплоть до 1971 г., до постановления ЦК, требующего активизировать атеистическое воспитание населения. Было принято региональное постановление «О задачах партийных организаций по выполнению постановления секретариата ЦК КПСС от 10 августа 1971 г. «Об усилении атеистического воспитания населения». Однако в районах особой работы не происходило, судя по отчетам, например, утверждалось, что в некоторых партийных организациях наблюдалась недооценка роли атеистического воспитания и опасности «религиозных пережитков, что выражалось в плохой индивидуальной работе с верующими и попавшими под влияние религии» [18, л. 12,91]. Начиная с конца 1970-х гг. в регионе можно констатировать резкое нарастание, по крайней мере на бумаге, вала запланированных атеистических мероприятий [19, л. 284]. Несмотря на принимаемые меры по усилению атеистического воспитания населения, начиная с середины 1970-х гг. религиозная обстановка в республике характеризовалась как стабильная, признаками ее являлось увеличение числа прихожан, рост церковных, доходов, прекращение частой смены священников, омоложение состава духовенства, а при закрытии церквей допускается администрирование по отношению к верующим [3, л. 171].

Официальные статистические данные обрядности, традиционно считавшиеся признаками религиозности населения, говорят сами за себя, например, в 1982 г. 13,2% новорожденных было подвергнуто обряду крещения, остается достаточно высоким количество венчаний, составивших в прошлом году 0,8% от числа всех бракосочетаний» [20, л. 163]. Встречались случаи отправления религиозных обрядов членами ВЛКСМ, что является нарушением уставных требований комсомола. Так, в Советском районе г. Уфы в 1982 г. 57 членов совершили религиозные обряды крещения и венчания, в Калининском – 9, городах Стерлитамаке – 57, Нефтекамске – 5, Белебее – 5, Бирске – 13. Как видно, «бумажный атеизм» конца 1970-х – первой половины 1980-х гг. в полной мере нашел свое отражение и в БАССР [4, л. 9–11].

В 1985–1987 гг. практически не изменилась направленность деятельности общественных комиссий при рай(гор)исполкомах). В планах их работы все те же мероприятия: «выявление верующих и

пресечение их влияния на молодежь», информирование органов местной власти о массовых собраниях верующих (проведение рейдов совместно с отделами внутренних дел в дни больших церковных праздников и т. д.) [21, л. 2–4]. 1985–1988 гг. со стороны местных органов власти наблюдалась некоторая растерянность и нежелание отказываться от прежних стереотипов поведении в религиозной сфере.

Но 1988 г. стал точкой отсчета, с которой началось реальное изменение религиозной политики в СССР, в том числе и в Башкирской АССР, руководство которой было вынуждено начать осторожно пересматривать свое отношение к религии. Как ни пыталось руководство области усиливать атеистическую пропаганду в связи с церковной знаменательной юбилейной датой, как ни замалчивала пресса приближение этого события, но позитивные изменения в религиозной политике и поддержка церковного юбилея центральной властью, естественно, должны были повлечь за собой изменения в этой сфере и на местном уровне. Не стала исключением и БАССР, где юбилейные торжества отмечались в начале июля 1988 г. и включали в себя праздничные богослужения. Празднование юбилейной даты стало главной причиной оживления религиозной обстановки, что проявилось не только в росте обрядности, но и в увеличении обращений верующих с просьбами о регистрации религиозных объединений. В 1988 г. только мусульманских религиозных организаций было зарегистрировано 17, не говоря уже о других конфессиях [22, л. 78]. Несмотря на празднование в области церковного юбилея на официальном уровне, отношение местных властей к изменениям в религиозной сфере оставалось двойственным. С одной стороны, местные Советы народных депутатов и общественные организации, руководствуясь решениями XIX партийной конференции и положениями выступления М. С. Горбачева на встрече с членами Синода Русской православной церкви, доказали положительное воздействие на стабилизацию религиозной обстановки в регионе. При этом в качестве фактора, влияющего на позитивные изменения в религиозной ситуации, выделялась поддержка верующими перестройки и вклад, который они вносили в социально-экономическое развитие области. С другой стороны, раздавалась критика в адрес многих ведомств и учреждений за то, что они недооценивают остроту религиозной ситуации, не принимают должных мер по усилению идеологической воспитательной работы. Впрочем, такое поведение являлось отражением государственной политики в отношении религии в 1986–1988 гг., заключающейся в предоставлении Церкви определенной свободы, но при сохранении контроля за ее деятельностью.

Таким образом, завершая анализ реализации религиозной политики советской власти в Башкирии в середине 1960-х – конце 1990-х гг., можно подчеркнуть следующее. До появления летом 1971 г. первого после окончания хрущевской антирелигиозной кампании партийного постановления об усилении атеистической пропаганды данные вопросы в республике открыто не поднимались. При этом местные органы власти активно вмешивались во внутренние дела церковных приходов, реализуя свое право утверждать и контролировать составы их исполнительных органов и проводя работу по ограничению влияния церковных активистов на население. Обряд крещения в БАССР на протяжении 1965–1986 гг. составлял в среднем 13,4% от числа новорожденных. Но вместе с тем общее число совершаемых в храмах республики крещений (не только дети, но и взрослые) не уменьшалось с 1978 г., что постоянно отмечалось как негативное явление [5, л.1 09].

Последний закон о свободе совести и религиозных организациях в Башкортостане был принят в июне 1991 г. С тех пор все менялось: политический строй, экономика, система ценностей и жизненные установки. Стиралась грань между церковью и государством, все больше находились их точки соприкосновения. Государство стало оказывать посильную помощь религиозным организациям. С 1994 г. выделяются средства из федерального бюджета на восстановление мечетей и храмов [1, с. 3]. Так, в 1995 г. в республике им было возвращено 9 культовых зданий, строились и строятся новые, открывались медресе. В 1996 г. в Башкортостане насчитывалось около 18 видов религиозных организаций. «Изменилась также структура государственного учреждения, контролирующего исполнение законов о религиозных организациях. Институт уполномоченных по делам религий, действующий в Башкортостане с середины 1940-х гг., преобразован в Совет по делам религий при Кабинете Министров РБ» [8, с. 35]. Значительно активизировалась жизнь религиозных конфессий. Если в 1990 г. действовало два религиозных центра (православный и мусульманский), то сегодня в Башкирии действуют семь религиозных центров, зарегистрированы 740 религиозных объединений и приходов [2, с. 66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барабаш Т.*, *Галиакбаров З.* В одну реку дважды не войти // Вечерняя Уфа. 1996. 30 мая.
2. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996.
3. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 80. Л. 171.
4. ГАРФ. А. 661. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–11.
5. ГАРФ. А. 661. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.
6. *Малицкий П. И.* Руководство по истории русской церкви. Общество любителей церковной истории. М., 2000.
7. Уфимская епархия в 1943–64 гг. / Сергеев Ю. Н., Абдулов Н. Т. и др. Уфа: БГУ, 2000.
8. Хрестоматия по истории Башкортостана на 1917–2000 / Сост. Гумеров. Уфа: Китап. 2001.
9. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 74 Д. 263. Л.115.
10. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 75. Д. 285. Л. 22.
11. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 75. Д. 285. Л. 93.
12. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 75. Д. 285. Л. 148.
13. ЦГАОО РБ. Ф122. Оп. 74. Д. 263. Л. 34.
14. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 75. Д. 285. Л. 152.
15. ЦГАОО РБ. Ф122. Оп. 190. Д. 287. Л. 122.
16. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 186. Д. 222. Л. 19.
17. ЦГАОО. Ф.122. Оп. 71. Д. 233. Л. 53.
18. ЦГАОО. Ф. 3081 Оп. 26. Д. 71. Л.22; Ф. 122. Оп. 186. Д. 320. Л. 12, 91.
19. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 186. Д. 285. Л. 284.
20. ЦГАОО. Ф. 341. Оп. 43. Д. 14. Л. 163.
21. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 218. Д. 110. Л. 2–4.
22. ЦГАОО. Ф. 122. Оп. 75. Д. 285. Л. 78.
23. *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999.